Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству*

© 2021 г. **М.А. Кукарцева (Гласер)[1**], В.Ю. Ивлев[2***], Н.Н. Новик[3****]**

[1] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20; Дипломатическая академия МИД России, Москва, 119034, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1.*

[2] *Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1.*

[3] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20.*

** *E-mail: mkukartseva@gmail.com*

*** *E-mail: vitalijivlev@yandex.ru*

**** *E-mail: nikolay.n.n@yandex.ru*

Поступила 07.10.2020

Цель статьи – экспликация двух важнейших для решения ряда глобальных проблем человечества дискурсов – биополитики и гуманитарной безопасности. Выявляется сходство анализируемых концепций. По мнению авторов, оно заключается в одинаковости их объекта, а различия – в его интерпретации. Биополитика видит свой интерес в поиске возможностей контроля обезличенного «человека вообще», а гуманитарная безопасность – в развитии и защите его индивидуации. Выясняется мера соотнесенности указанных концепций, их отношение к философскому дискурсу о свободе. Прослежена диалектика биополитики и гуманитарной безопасности, моменты пересечения биополитического дискурса «застрахованной» и «незастрахованной» жизни» и «колонизирующего» дискурса. Сделан вывод, что конфликт интересов исследуемых дискурсов неизбежен, ни один из них не способен «встать над схваткой», получив возможность ответить на сложные вопросы обеспечения безопасности человека. Мера их эффективности как интеллектуального инструмента и практического механизма решения проблем проиллюстрирована на примере «хрупких государств» (кейс Африки южнее Сахары) и в условиях пандемии COVID-19.

Ключевые слова: биополитика, гуманитарная безопасность, безопасность, человек, пандемия.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-42-52

Цитирование: *Кукарцева (Гласер) М.А., Ивлев В.Ю., Новик Н.Н.* Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 42–52.

* Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 г.

Discourses of Biopolitics and Human Security in the Context of New Challenges and Threats to Humanity*

© 2021 **Marina A. Kukartseva (Glaser)[1**], Vitaly Yu. Ivlev [2***], Nikolay N. Novik [3****]**

[1] *National Research University "Higher School of Economics",*
20, Myasnitskaya str., Moscow,101000, Russian Federation; Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 53/2, bd. 1, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation.

[2] *Bauman State Technical University,*
5, 2nd Baumanskaya str., 105005, Moscow, Russian Federation.

[3] *National Research University "Higher School of Economics",*
20, Myasnitskaya str., Moscow,101000, Russian Federation.

** *E-mail: mkukartseva@gmail.com*

*** *E-mail: vitalijivlev@yandex.ru*

**** *E-mail: nikolay.n.n@yandex.ru*

Received 07.10.2020

The research aims at explicating two discourses that are most important for solving global problems of humanity: biopolitics and human security. The similarity of the studied concepts is revealed. According to the authors, it consists in the sameness of their object, and the differences – in its interpretation. Biopolitics sees its interest in finding ways to control the impersonal "man in General", and human security – in its individuation. The measure of correlation of these concepts and their relation to the philosophical discourse about freedom is revealed. The author traces the dialectics of biopolitics and human security, the moments when the biopolitical discourse of "insured" and "uninsured" life intersects with the "colonizing" discourse. It is concluded that the conflict of interests of the studied discourses is inevitable, none of them is able to "rise above the fray", having the opportunity to answer complex questions of human security. The measure of their effectiveness as an intellectual tool and practical mechanism for solving problems is illustrated by "fragile States" (the case of sub-Saharan Africa) and in the context of the COVID-19 pandemic.

***Keywords*:** biopolitics, human security, security, human, pandemic.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-42-52

Citation: Kukartseva (Glaser), Marina A., Ivlev, Vitaly Yu., Novik, Nikolay N. (2021) "Discourses of Biopolitics and Human Security in the Context of New Challenges and Threats to Humanity", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2021), pp. 42–52.

К концу XX в. мир стал более антропоцентричен, чем прежде. Эталонный референт его безопасности сместился от государства к индивиду и обществу, появились новые широкие концепции развития и безопасности, акцентирующие проблемы болезней, бедности, экологии, медицины. «Мы вступаем в эпоху, когда вслед за истаиванием антагонизмов холодной войны более отчетливо проявляются угрозы, выдвинутые нашими производственническими обществами по отношению к роду людскому, выживанию, которому на нашей планете угрожает не только вырождение окружающей среды, но и вырождение ткани социальной солидарности и способов психической

* Support from the individual Research Program of the School of World economy and International Affairs at National Research University – Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

жизни, которые следует буквально переизобрести. Переобоснование политики должно пройти через три эстетические измерения, которые определяются тремя экологиями: окружения, общества и души», – писал Ф. Гаттари в 1991 г. [Гаттари 1991]. Нельзя сказать, что спустя почти тридцать лет ситуация серьезно изменилась и мы многого достигли. В центре нашей иерархии смыслов все так же остается человек, понимание и интерпретация его природы, ответы на трудные и неудобные вопросы его бытия. При этом ключевой особенностью стало изменение характера вызовов и угроз человечеству. Эта особенность заключается в том, что они носят невоенный характер, поэтому часто недооцениваются государствами. Их можно представить в виде цепочки: от угроз болезней до торговых войн, разрыва глобальных ресурсных потоков; автократизма и популизма как вызовов гражданскому обществу и демократии. Все эти угрозы есть разнородные составляющие нового экзистенциального здания глобальной безопасности, которое нужно осмыслить в новых понятиях. Поэтому в философии безопасности конца XX – начала XX в. произошли изменения, результатом которых стал ввод в политический словарь нового понятия – «гуманитарная безопасность». Его суть в приоритете обеспечения безопасности людей, а не государств [Spear, Williams 2012]. Последние продолжают сохранять функцию агента обеспечения своей безопасности, но их главная задача – быть инструментом поддержания благосостояния индивида и общества как ключевых ценностей [Mckee 2009 web; Кукарцева 2018]. Эти идеи коррелируют с философией биополитики, под которой, как известно, М. Фуко имел в виду режим власти, ориентированный на управление и регуляцию жизни людей через акцентирование их здоровья, условия жизни, санитарию, умственные и физические возможности. Человек здесь – одновременно индивидуальный биологический организм и «общественное тело» (население) [Foucault 2003]. А по мнению Дж. Агамбена, любая современная власть вообще по существу является биополитической [Agamben 2005 web].

Биополитика и гуманитарная безопасность, таким образом, являются (возможно, промежуточным) результатом эволюции концепта антропоцентризма в философии политики. Обе концепции связаны с проблемами безопасности сообществ, со структурным и культурным насилием, продовольственной безопасностью, пандемиями, болезнями, микропатогенами, глобальным здоровьем, вынужденной миграцией и пр. По сути дела, биополитика и гуманитарная безопасность представляют собой разноракурсовый взгляд на одну проблему – качество жизни человека, развитие его потенциала в отношении к государству. Тем более важно понять, в чем сходства и отличия этих двух феноменов, в чем основания их критики, в чем их ценность в качестве самостоятельных позиций в способах разрешения указанных проблем.

Биополитика и гуманитарная безопасность: сходства и различия

Деполитизация политики, то есть акцентирование в ней биологизаторских идей и организмических проектов, имеет длинную историю. Кратко ее можно уложить в диапазон от анатомополитики, где государство сфокусировано на заботе о телах индивидов, результирующейся в достижении целей наращивания промышленного производства, развития медицины, военного дела и т.д., – до биополитики, где государство неусыпно опекает, поддерживает и контролирует население, стремится уберечь его от всех форм уязвимостей и превращает в конечном итоге в предмет своей благотворительности, лишая самостоятельности и любой личностной модальности. Ключевой прекурсор биополитики – церковь как социальный институт, ведущий учет рождений и смертей, оказывающий помощь бедным и больным. В вестфальский период эти функции взяли на себя национальные государства, что смогло предотвратить депопуляцию в ряде стран Западной Европы, обеспечить стабильную и растущую налоговую базу, регулярный и возобновляемый запас рабочей силы и военных. Сегодня, как полагает Дж. Агамбен, «фундаментальной категориальной парой западной политики является не оппозиция друг/враг, а голая жизнь/политическое существование, zoe/bios, исключение/включение. Политика существует потому, что человек – живое существо,

которое отделяет от себя и противопоставляет себе посредством языка свою собственную голую жизнь и в то же время остается связанным с ней через включающее исключение» [Агамбен 2011, 15]. «Голая жизнь», zoe, выражает простой факт жизни, а bios есть жизнь с достоинством, наделенная смыслом и значением. Поэтому bios «достойно» быть принесенной в жертву, а zoe нет. Она исключена из полиса/общества и ограничена сферой oikos, дома [Agamben 2005 web].

Для Дж. Агамбена иллюстративным примером исключения является «Указ о защите народа и рейха», провозглашенный в феврале 1933 г., в результате которого было приостановлено действие Веймарской конституции, а Гитлер был наделен чрезвычайными полномочиями. По мнению Дж. Агамбена, это позволило физически ликвидировать жизнь не только политических противников, но и целых категорий граждан. С того времени создание постоянного чрезвычайного положения стало одной из политических практик современных «демократических» государств. Другой пример – события, последовавшие после «11/11», когда была создана глобальная исключительная ситуация в результате «войны с террором». Она узаконила «бессрочное заключение» иностранных граждан в Гуантаномо и Абу-Грейб [Fiss 2013 web]. Эти граждане, афганские талибы, например, не считаются ни заключенными, ни обвиняемыми: они просто «задержаны» и лишены возможности осуществлять свои права. Джудит Батлер проанализировала положение задержанных в Гуантанамо и пришла к выводу, что их жизнь определяется только указом, провозглашенным Министерством обороны США от 21 марта 2002 г. Этот указ, по сути, нивелировал действие национальных и международных законов в отношении задержанных. Люди, которых назвали «потенциальными террористами», остаются в состоянии вечного задержания без права на какое-либо разбирательство [Erlenbusch 2015 web]. По мнению Дж. Батлер, в этих практиках можно проследить, каким образом были трансформированы демократические режимы на Западе, где состояние «исключения» все чаще рассматривается не только как мера безопасности, но и как защита «демократии». Здесь государство, реализуя биополитику, создает дискурс гуманитарной небезопасности и по сути является инструментом технологии глобального управления.

Гуманитарная безопасность, впервые разработанная в Докладе о развитии человека (ПРООН) 1994 г. акцентирует широкий круг угроз глобального уровня безопасности: бедность, миграция населения, ВИЧ / СПИД, экологическая неустойчивость и социальная изоляция [Кукарцева 2018]. Решение этих проблем требует скоординированных глобальных усилий по обеспечению безопасности человека, которые выходят за рамки подхода к регулированию жизни, основанного на биополитике [Duffield, Waddell 2006].

В рамках гуманитарной безопасности задача заключается в создании платформы для устойчивого развития, где устойчивость есть «способность системы реагировать на вмешательства или нарушения без изменения своего основного состояния»[Ahern 2010, 142]. Устойчивость во многом зависит от возможностей, «которые могут мобилизовать отдельные лица, домашние хозяйства и сообщества для того, чтобы выживать в условиях трудностей» [Moser, Norton 2001 web]. Здесь связь биополитики и гуманитарной безопасности является прямой: чем менее уязвимы люди, чем лучше обеспечена гуманитарная безопасность, тем более безопасны условия их жизни, тем меньше угроз появления «голой жизни» [Khagram, Clark, Raad 2003, 302].

Сходство биополитики и гуманитарной безопасности заключается в одинаковом понимании своего объекта – человека как физического существа, обладающего широким спектром уязвимостей. Их различие заключается в разной интерпретации этого объекта. Биополитику не интересует обеспечение индивидуальной человеческой безопасности, равно как и личности [Foucault 2003]. «Понять жизнь, проживаемую людьми» (Дильтей), не входит в ее задачу. Вместо этого биополитическая парадигма оперирует «протоколами коммуникации и управления, которые рассматривают людей как объектов» [Edkins 2008], а не как субъектов безопасности. Биополитика проблематизирует гуманитарную безопасность, акцентируя разность их целей. Гуманитарная

безопасность видит свою задачу в выявлении и устранении широкого спектра угроз и уязвимостей людей, в укреплении стабильности, их защищенности, особенно каждой индивидуальной жизни. Биополитика стремится к контролю населения через разные инструменты и механизмы изменения этого состояния защищенности, нивелирует основное в концепции гуманитарной безопасности – фокус на человеке как единичном, самоценном и уникальном субъекте.

Диалектика биополитики и гуманитарной безопасности

Период холодной войны характеризовался уважением территориальной целостности государства, приматом его суверенитета над жизнью населения, а в XXI в. произошло оформления дискурса устойчивости постоянно уязвимых сообществ. Исключительная компетенция слабых государств в менеджменте их населения становится все более условной и интернационализированной. Физическая и социальная жизнь людей в этих государствах поддерживается и часто даже вообще возможна только за счет сети многочисленных акторов, действующих под эгидой современного гуманитаризма, базовая формула которого – ООН/Красный Крест/НПО (неправительственные правозащитные организации). При этом за некоторыми НПО скрываются преступные группировки, поэтому важно и одновременно сложно проводить различие межу теми организациями, которые занимаются благотворительностью на самом деле, и теми, для кого это просто бизнес, в том числе и криминальный.

Такой «условный» суверенитет углубляет деление государств на «эффективные», развитые, и «неэффективные», развивающиеся. М. Даффид, рассуждая в дискурсе биополитики, называет такие государства соответственно «застрахованной» и «незастрахованной» жизнью» [Duffield 2007]. Первая регулируется и поддерживается через систему социальных гарантий государства, а вторая, реализуемая вне поддержки такой системы, зависит исключительно от способностей и возможностей населения решать возникающие проблемы. По мнению Даффида, результатом «либерального пути развития», предлагаемого западными странами миру, стало не сужение пропасти между «застрахованной» и «незастрахованной» жизнью, а ее расширение. Он рассматривает либерализм как биополитическую технологию обеспечения безопасности человека, которая направлена на постоянное воспроизводство дифференциации между развитой и неразвитой жизнью, с целью управления и этой дифференциацией, и этой жизнью [Duffield 2010 web]. А гуманитарная безопасность в рамках того же либерализма ориентирована на сдерживание распространения «незастрахованных» избыточных популяций в их естественной среде обитания. Проблема при этом заключается в том, что гуманитарная безопасность универсализует «неразвитую» жизнь как угрозу глобальной стабильности, в результате чего в оптике биополитики гуманитарная безопасность не уменьшает, а усугубляет «жизненную разницу» между «застрахованной» и «незастрахованной» жизнью. Биополитически гуманитарная безопасность расценивается рядом политологов как «мобилизующий, интегрирующий и одновременно колонизирующий» дискурс, который способен «объединять, упорядочивать и координировать различные локусы власти» в разных целях, необязательно гуманитарных [Duffield 2007]. Интересно в связи с этим показать на конкретном эмпирическом материале, как обе теории работают на практике, меру их эффективности как интеллектуального инструмента и практического механизма решения проблем.

Биополитика и политика гуманитарной безопасности в «хрупких» государствах развивающегося мира (Африка)

В качестве первого кейса такого эмпирического материала возьмем политику Европейского союза в Африке. Проблемы развития, с которыми сталкиваются многие страны континента, имеют важное значение для превращения их населения в управляемые субъекты. С конца 1990-х гг. на огромной территории Африки южнее Сахары

(АЮС) идет процесс формирования дуги нестабильности. Именно здесь расположено более двух десятков «хрупких» государств (fragile states) Субсахарской Африки. Их основными особенностями являются: неспособность самостоятельно обеспечить безопасность и стабильность на своей территории; неспособность властей страны обеспечить базовыми социальными нуждами все население; неспособность эффективно мобилизовать общественные и материальные ресурсы для развития государства [Лебедева 2014, 103]. Поэтому государства Африки истолкованы ЕС как дисфункциональные – они не могут поддерживать на своей территории достойные для людей условия жизни, а ЕС представлен как практически единственный актор, способный обеспечить им безопасность. По этой причине Африка лишена собственной инициативы, африканское население отстранено от выработки стратегии долгосрочной оптимальной политики в своих странах. ЕС утверждает, что он способен и компетентен решать проблемы, стоящие перед регионом, получая в этом поддержку от международного сообщества, прежде всего стран Запада. Фактически ЕС выстраивает в Африке биополитику противопоставления «застрахованной» и «незастрахованной» жизни, которая позволяет ему управлять местным населением в пределах условного суверенитета государств, регулировать поведение населения в его естественной среде обитания. Сформированный биополитический режим нацелен на купирование неконтролируемого возобновления эффекта неравенства и отсталости, на гарантию того, что популяции способны жить в «состоянии гомеостатической самообеспеченности» [Duffield 2007]. Вполне возможно, что причина этого кроется в специфике постколониального дискурса ЕС.

Постколониализм исследует роль колониальных, имперских отношений и политических практик в производстве знаний о мире, мировой политике и международных отношениях. Он исходит из того, что само понятие безопасности является выражением евроцентрического взгляда на мир, с присущим ему избыточным рационализмом; требует переосмыслить содержание и объем понятия *безопасность* в рамках более широкого проекта по деколонизации международных отношений, преодолении «взгляда колонизатора на мир» [Laffey, Nadarajah 2013, 122]. Согласно постколониализму, так как политический термин «безопасность» был изобретен в Европе, то он стал своего рода «имперской» областью знаний, определяемой интересами Запада. Политика безопасности, проводимая им в определенных регионах мира, таких как Ближний Восток и на континентах, таких как Африка, например – беспилотная «дроновая» война и гуманитарная интервенция, нацелена на сохранение принципа евроцентризма, который концептуально, эмпирически и нормативно структурирует «под себя» исследования безопасности. На самом же деле, с точки зрения постколониализма, безопасность есть универсальная категория и в таком качестве применима к любому человеческому обществу. Постколониализм открывает пространство для исследований проблем безопасности в контексте европейского антиимпериализма, как нового опыта международных отношений, с целью выявить характерные для колониализма предубеждения и «слепые пятна» в исследованиях безопасности. Постколониальная критика евроцентризма отличается своей акцентированностью неприятия насилия, которое с точки зрения постколониализма является конститутивным элементом самой имперской деятельности и играет постоянную и определяющую роль в колониальных отношениях.

Парадокс постколониализма заключается в том, что он заставляет ЕС осуществлять в странах Африки одновременно и биополитику, и политику гуманитарной безопасности. Программы и проекты обеспечения гуманитарной безопасности адаптированы к решению ключевых проблем стран Африки – укрепление институционального потенциала, гуманитарная помощь, преодоление конфликтов [Ломова 2019]. Европейский союз реализует здесь всеобъемлющий подход к политике гуманитарной безопасности – любое событие, например внутригосударственный конфликт, вызывает не только связанные с ним ожидаемые ответные меры, но и переоценку всего пакета помощи, с учетом долгосрочных рисков. Однако это указывает и на то, что ЕС, реализуя политику гуманитарной безопасности, действует в Африке в собственных интересах [Kartsonaki, Wolff 2015]. Уверенные в помощи ЕС, африканские лидеры избегают

выстраивания продуктивных отношений с гражданами своих стран, они ведут бесконечные переговоры со структурами ЕС, которые рассказывают им, в чем именно нуждаются их граждане. По этой причине африканское население было отстранено от выработки тактики, стратегической ориентации, процесса проведения здравой долгосрочной политики в своих странах [Кукарцева 2018]. Дискурс гуманитарной безопасности ЕС превращается в дискурс «колонизирующий», который усиливает неравенство, а сам ЕС становится биополитическим регулятором, актором влияния. Практика гуманитарной безопасности в этом случае оборачивается мягким инструментом насилия в руках тех, кто обладает властью [Booth 2007].

Конечно, ЕС нельзя упрекнуть в лицемерии в реализации им политики гуманитарной безопасности. Понятные и разделяемые политическими элитами ЕС культурно-ценностные коды, нормативная сила ЕС заставляют его политический класс искренне заниматься гуманитаризмом на африканском континенте, реализуя своего рода социальное мессианство. Вместе с тем можно утверждать, что дискурс гуманитарной безопасности ЕС и дискурс биополитики, как неизбежный «побочный результат» колониального мышления, находятся в диалектическом единстве. Политика ЕС направлена не только на облегчение страданий и повышение качества жизни людей, но и на обеспечение интересов безопасности самого Европейского союза, достигаемую через контроль и регулирование [Ломова 2019, 83].

Биополитика и гуманитарная безопасность в условиях COVID-19

Вторым кейсом, иллюстрирующим соотношение биополитики и гуманитарной безопасности, является COVID-19. Новый коронавирус заставил ученых, экспертов и политиков задуматься о фундаментальном переосмыслении того, как мы живем, как мы относимся к другим, в конце концов, что такое человек. Первые результаты такого интеллектуального штурма можно увидеть в СМИ, социальных сетях, академических дискуссиях и научных журналах. Однако важно то, что вирус изменил представление о параметрах защиты человеческой жизни и о логике безопасности. В условиях, когда угрозы исходят не со стороны других государств и не со стороны бедности, голода и болезней, когда враг не где-то снаружи, а внутри нас самих, какая стратегия борьбы с ним самая лучшая? В контексте наших размышлений – что эффективней: биополитика как контроль и регулирование населения или (и?) гуманитарная безопасность как выявление и устранение угроз и уязвимостей людей, создание стабильного состояния их защищенности.

В условиях пандемии нарушение норм демократической политики и повседневной жизни стало повсеместной практикой как в авторитарных, так и в демократических государствах. «Мы находимся в состоянии войны», – подчеркнул президент Франции Эммануэль Макрон, объявив в апреле 2020 г. о локдауне по всей стране. Он не был одинок в своем выборе такой риторики, практически все мировые лидеры использовали милитарные метафоры для того, чтобы гальванизировать национальные ответные меры на пандемию коронавируса. Не стала ли тогда пандемия удобным политическим инструментом для оправдания радикального вмешательства государства в частную жизнь своих граждан? Ведь защищать их от экзистенциальной угрозы, создаваемой вирусом – его прямая задача. Власти многих стран могут безнаказанно вторгаться в жизнь своих граждан, отслеживать их перемещения с помощью мобильных технологий, эффективно изолировать целые регионы. Идея Бентама – Фуко об идеальной тюрьме, где вся жизнь лежит как ладони, становится реальностью. Общество прозрачности, которое строили как общество позитивное, где ничего не возможно скрыть, в условиях чрезвычайных ситуаций превращается в общество унифицированное и тоталитарное [Han 2012].

С биополитической точки зрения, введение чрезвычайных ситуаций, секьюритизация целевых групп населения посредством принудительных мер, поражение их, особенно имеющих положительный тест, в правах является «концлагерем» – выделенным

государством местом чрезвычайного положения, куда граждане попали не за какой-то проступок, а потому, что они стали другими. Это – то самое место, где социальное дистанцирование и меры общественного здравоохранения со стороны государства направлены на то, чтобы ограничить людей. Им говорят: «сидите дома», «мойте руки», превращая их жизнь в zoe. Туристы разных стран мира, «застрявшие в отпуске», оказываются в ситуации полной изоляции в стране пребывания. Например, в Тиморе-Лешти решение правительства о создании карантинных центров для тиморцев, возвращающихся из-за рубежа, вызвало протесты общин, в которых эти центры должны были быть расположены. Чтобы разрядить обстановку, Шанана Гужмау – герой эпохи независимости, бывший президент и все еще активный политический лидер – вступил в прямой диалог с общинами, чтобы решить их проблемы. Биополитика формирует условия гуманитарной (не)безопасности и становится инструментом политтехнологий, необходимых для контроля населения. И здесь еще большим вызовом являются политические последствия пандемии. «Невидимый враг», вирус, «может принимать различные формы: обернуться запрещенной политической идеологией или религиозной верой, который, как утверждают государства, подвергают опасности их политическое тело. Локдауны в Ухане и Дели узаконивают секьюритизацию мусульман в Синьцзяне и Кашмире» [Shani 2020 web]. Не станет ли «жизнь послезавтра» новым глобальным биополитическим экспериментом?

Но даже если «эта пандемия есть не война, а тест на гуманизм», как сказал президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер, глобальное распространение COVID-19 все равно создает чрезвычайные проблемы для управления и кризис демократических институтов. Главное в том, что она разрушает гуманитарную безопасность, которая определена ООН как право жить в условиях свободы и достоинства, без нищеты и отчаяния.

Два важных вопроса имеют здесь большое значение. Во-первых, участие вооруженных сил и правоохранительных органов в разрешении кризиса. Сегодня по всему миру они мобилизованы на предотвращение совершенно иной угрозы, чем та, с которой они привыкли сталкиваться. То, как они справятся с этой задачей, будет иметь важные последствия для сотрудничества в области обеспечения гуманитарной безопасности и глобальных усилий по поддержанию мира и предотвращению войн. Население должно видеть в военнослужащих, решающих гуманитарные задачи, людей «спасающих жизни», а не творящих насилие.

Во-вторых, важное значение приобретает военно-гражданское сотрудничество, актуализированное во время пандемии. Военная культура должна быть адаптирована к эффективному взаимодействию военных и гражданских. Ключевая особенность невоенных операций – взаимодействие вооруженных сил с огромным числом гражданских акторов, организаций и групп. В ряде стран, например, Восточной Азии и Латинской Америки, вооруженные силы в условиях борьбы с коронавирусом оказались совершенно не подготовленными к взаимодействию с НПО, между которыми тоже отсутствовала система координации. Политики во время пандемии должны учитывать важные моменты, выходящие за чисто технические рамки. Особенно важна прозрачность принимаемых мер, потому что она способствует свободному потоку и обмену информацией, помогает оптимизировать глобальную среду обучения, стимулирует общественные дебаты. Необходимость максимального контроля над инфекцией посредством надзора и строгих карантинных мер должна быть уравновешена конфиденциальностью и необходимым соблюдением гражданских свобод. Граждане остро чувствительны к нюансам правил локдауна и последствиям от их введения. Серьезные злоупотребления со стороны полиции и сил безопасности могут создать проблемы, способные разрушить национальное единство и генерировать обиды, которые могут таиться в течение поколений. Важно не разрушать социальные отношения, которые связывают нацию вместе, сохраняя, таким образом, политический порядок. Например, создать условия, в которых люди по доброй воле, для того чтобы не распространять вирус, хотели бы оставаться дома, отказаться от встреч с друзьями, от посещения

ресторанов, баров, клубов и даже церквей, мечетей и храмов. Как сказал известный биолог Карл Бергстрем: «Мы не можем всегда действовать так, как если бы мы все вместе, но в пандемии, нравится нам это или нет, мы действительно вместе» [Bergstrom 2020 web]. Возможно, таким способом в рамках обеспечения гуманитарной безопасности формируется «новая глобальная этика солидарности, основанная на осознании взаимной уязвимости перед лицом экзистенциальной угрозы» [Shani 2020 web]. Весь вопрос в том, насколько это реализуемо в странах, где стратегии ограничения и социального дистанцирования остаются недостижимым миражом для сотен миллионов людей, живущих в многолюдных регионах развивающегося мира. Как добиться социальной сплоченности там, где ее нельзя достичь в силу объективных обстоятельств?

Пандемия COVID-19 затрагивает весь мир, но совершенно по-разному. Для стран «незастрахованных жизней» она представляет собой мрачную перспективу невозможности самостоятельно обеспечить гуманитарную безопасность, а значит, зависимость от гуманитарных интервенций и расширение пространства биополитики. Там, где значительная часть населения не может получить доступ к больницам или поликлиникам, ответные меры могут воспроизводить модели исключения. Многие из этих стран уже давно находятся в зоне повышенного риска, их население в течение многих лет серьезно страдает от экономических, эмоциональных, социальных и политических потрясений. Коронавирус может полностью разрушить слабые государства и повысить риски невозобновляемости социального контракта в долгосрочной перспективе.

Министр здравоохранения Афганистана уже объявил, что COVID-19 может затронуть 80 процентов населения страны, где многие не имеют доступа к базовым медицинским услугам и воде. То же самое относится и к Йемену, где война разрушила более половины больниц страны. Влияние макроэкономических проблем, которые пандемия создает для этих стран, не менее серьезное. Долги растут, а фискальное пространство сужается. Добровольность подчинения биополитической парадигме исключения и контроля грозит стать безальтернативной и обретет свою легитимацию в обществе [Howell, Richter-Montpetit 2019].

Можно предположить поэтому, что в условиях новых вызовов и угроз и «застрахованные» и «незастрахованные» жизни подчиняются некоему ограничительному закону, лишаясь права самим строить свою жизнь и нести полную ответственность за свои поступки, невзирая на внешние обстоятельства.

Заключение

Дискурсы и нарративы биополитики и гуманитарной безопасности являются сегодня наиболее общими смыслами и значениями, в которых заложен нерв дискуссии о ключевых угрозах человечеству и способах их предотвращения. Часто они могут стать ловушкой, мера истинности излагаемого в них нередко измеряется наличием определенного количества фактов, но не их интерпретацией [Gardner 2004]. Тем не менее, «воспроизводя мироощущения своих агентов, аргументируя их интеллектуальную позицию, систему их убеждений, они превращают эту позицию и эту систему в определенный политический акт» [Кукарцева, Валиева 2013, 103]. Такие дискурсы и нарративы складываются из множества текстов из разных источников – официальных документов и отчетов, распространяемых в государственных институтах и учреждениях; медиатекстов, имеющих хождение в публичной сфере; бесчисленных разговоров в повседневной жизни. Эти тексты присваиваются и перераспределяются, становясь инструментами производства верований, мнений и принятия решений. В результате процессов реконтекстуализации состав объектов, субъектов и предметов, концепций и стратегий биополитики и гуманитарной безопасности меняется, но он никогда не может быть прежним в новом контексте. Возможно, в попытках разрешить проблемы, встающие перед человечеством в этом новом контексте, увлеченно следуя по этому пути, мы переходим рубеж, за которым открывается новый период, где придется выбирать между контролем и свободой.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Гаттари 1991 – *Гаттари Ф.* Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // ЛОГОС. Кн. 1. Л., 1991. С. 159–160 (Guattari, F., *Language, consciousness and society,* Russian translation).

Ссылки – References in Russian

Агамбен 2011 – *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.

Кукарцева, Валиева 2013 – *Кукарцева М.А.*, *Валиева З.* Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике // Обозреватель. 2013. № 4 (279). С. 100–109.

Лебедева 2014 – *Лебедева Э.Е.* Субсахарская Африка: конфликты и развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 12. С. 102–112.

Ломова 2019 – *Ломова А.А.* Политика Европейского Союза по обеспечению гуманитарной безопасности. На примере стран Африки (регион Сахель) // Вестник молодых ученых-международников. 2019. № 1 (7). С. 73–86.

References

Ahern, John (2010) *Planning and Design for Sustainable and Resilient Cities: Theories, Strategies, and Best Practices for Green Infrastructure*, John Wiley & Sons Inc, New York.

Agamben, Giorgio (1998) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, Stanford University Press, Stanford. (Russian translation).

Agamben, Giorgio (2005 web) *State of Exception*, University of Chicago Press, Chicago, URL: https://academic.oup.com/icon/article/4/3/567/646395

Bergstrom, Carl (2020 web) URL: https://twitter.com/CT_Bergstrom/status/1243270093003304960?s=20.

Booth, Ken (2007) *Theory of World Security,* Cambridge University Press, Cambridge.

Duffield, Mark (2007) *Development, Security and Unending War: Governing the World of Peoples*, Polity, Cambridge.

Duffield, Mark (2010 web) "The Liberal Way of Development and the Development-Security Impasse: Exploring the Global Life-Chance Divide", *Security Dialogue*, Vol. 41(1), URL: https://doi.org/10.1177/0967010609357042

Duffield, Mark, Waddell, Nicholas (2006) "Securing Humans in a Dangerous World", *International Politics*, Vol. 43, pp 1–23.

Edkins, Jenny (2008) "Biopolitics, Communication and Global Governance", *Review of International Studies*, Vol. 34, pp. 211–232.

Erlenbusch, Verena (2015 web) "The Place of Sovereignty: Mapping Power with Agamben, Butler, and Foucault", URL: https://verenaerlenbusch.weebly.com/uploads/4/8/9/9/48994749/erlenbusch_the_place_of_sovereignty.pdf

Fiss, Owen (2013 web) "Imprisonment Without Trial", URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5810&context=fss_papers

Foucault, Michael (2003) *Society Must be Defended: Lectures at the College de France, 1975–76*, The Penguin Press, London.

Gardner, Howard (2004) *Changing Minds: The Arts and Science of Changing Our Own and Other People Minds,* Harvard Business School Press, Cambridge.

Han, Byung-Chul (2012) *Transparenzgesellschaft,* Matthes & Seitz, Berlin.

Howell, Alison, Richter-Montpetit, Melanie (2019) "Racism in Foucauldian Security Studies: Biopolitics, Liberal War, and the Whitewashing of Colonial and Racial Violence", *International Political Sociology,* Vol. 13 (1), pp. 2–19.

Kartsonaki, Argyro, Wolff, Stefan (2015) "The EU's Responses to Conflicts in its Wider Neighbourhood: Human or European Security?", *Global Society*, Vol. 29 (2), pp. 199–226.

Khagram, Sanjeev, Clark, William C., Raad, Dana F. (2003) "From the Environment and Human Security to Sustainable Security and Development", *Journal of Human Development*, Vol. 4 (2), pp. 289–313.

Kukartseva, Marina A., Valieva, Zara (2013) "Political Narrative – the Instrument of 'Creating Yourself' in Foreign Policy", *Observer*, Vol. 4 (279), pp. 100–109 (in Russian).

Laffey, Mark, Nadarajah, Suthaharan (2013) "Postcolonialism", Collins, Alan, ed., *Contemporary Security Studies*, Oxford University Press, Oxford, pp. 122–138.

Lebedeva, Eleonora E. (2014) "Sub-Saharan Africa: Conflicts and Development", *World Economy and International Relations*, No. 12, pp. 102–112 (in Russian).

Lomova, Anastasia A. (2019) "European Union's Policy of Ensuring Humanitarian Security on Example of African Countries (Sahel Region)", *The Herald of the Young Scholars in International Studies*, No. 1 (7), pp. 73–86 (in Russian).

Mckee, Kim (2009 web) “Post-Foucauldian Governmentality: What Does it Offer Critical Social Policy Analysis?”, URL: http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0261018309105180

Moser, Caroline, Norton, Andy (2001 web) “To Claim Our Rights: Livelihood Security, Human Rights and Sustainable Development”, Overseas Development Institute, London, URL: http:// www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/1816.pdf

Shani, Giorgio (2020 web) “Securitizing‘Bare Life’? Human Security and Coronavirus”, URL: https://www.e-ir.info/2020/04/03/securitizing-bare-life-human-security-and-coronavirus/

Spear, Joanha, Williams, Paulr D. (2012) “Conceptualizing the Security-Development Relationship: An Overview over the Debate”, *Security and Development in Global Politics: A Critical Comparison*, Georgetown University Press, Washington, pp. 7–37.

Сведения об авторах

КУКАРЦЕВА (Гласер) Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Дипломатическая академия МИД России.

ИВЛЕВ Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

НОВИК Николай Николаевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author’s Information

KUKARTSEVA (Glaser) Marina A. – DSc in Philosophy, Professor in the Department of International Affairs National Research University Higher School of Economics; Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

IVLEV Vitaly Y. – DSc in Philosophy, Professor, head of the Philosophy Department, Bauman State Technical University.

NOVIK Nikolay N. – CSc in Economics, researcher, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics.